

**К ПРОБЛЕМЕ ВОЖДЕСТВА И РАННЕГО ГОСУДАРСТВА:
ИСТОРИОГРАФИЯ ПО ЭПОХЕ ТЫГЫНА**

**ÖNDERLİK VE İLKEL DEVLET MESELESİ ÜZERİNE:
TİĞİN DÖNEMİ ARAŞTIRMA TARİHÇESİ**

**CHIEFDOM AND EARLIER STATE:
HISTORIOGRAPHY ON TYGYN'S EPOCH¹**

В. В. Ушницкий (V. V. Ushnitsky)*

АННОТАЦИЯ

В статье изучается проблема существования потестарной культуры среди саха в дорусский период. Миф о Тыгыне как предводителя якутских племен имеет широкую историографию. Из соотнесения фольклорных материалов с письменными документами можно проследить время и условия формирования фольклорного образа якутского владыки.

Ключевые слова: вождество, историография, потестарная культура, раннее государство, история Якутии, фольклор, миф

ABSTRACT

The article studies the problem of the existence of the culture of Potestas among the Sakha in the pre-Russian period. The myth about Tygyn as a leader of the Sakha tribes has a wide historiography. Correlating the folklore materials with the written documents, one can trace the time and conditions of formation of the Sakha sovereign's folklore type.

Key Words: Chieftdom, Historiography, Culture of Potestas, Earlier State, History of Yakutia, Folklore, Myth

Серьезной проблемой в исторической науке является оценка истории бесписьменных народов. Легендарная фигура Тыгына отраженная в фольклоре имеет обширную историографию, многие видные историки участвовали в создании исторической мифологемы, оценке политической структуры якутского общества дорусского периода. В постсоветский период, в 90-е годы фигура Тыгына становится символом якутской государственности. Личность Тыгына постарались раскрыть народный писатель Яковлев – Далан в историческом романе «Тыгын Дархан» и Сергей Потапов в спектакле Тыгын Дархан. Широко как предводителя якутских родов оценивали его А. П. Окладников и С. А. Токарев, которые не сомневались в его историческом существовании.

¹ . DOI : 10.17498/kdeniz.332

* . Ушницкий Василий Васильевич., Yakutistan, voma@mail.ru

Безусловно, при анализе роли легендарной фигуры Тыгына в истории народа саха следует учитывать исторические условия, при которых она создавалась. Обычно народ, попавший под иго чужого народа, создает великолепные фольклорные произведения, где прошлая история народа, когда он был свободным, преподносится как счастливое время. Изменения в политическом плане принесенные пришельцами отражаются в фольклоре как время существования собственной государственной организации.

Согласно И.Страленбергу, переселение саха из Байкала на Лену возглавлял предводитель по имени Дэнси Тархан Тэгин. Отсюда Г.В.Ксенофонтов допускал, что особый говор принадлежавший группе последних завоевателей якутской земли сохранялся среди населения на Сайсарской равнине, именно они могли передать И.Страленбергу общетюркское произношение терминов «тэгин» и «тархан» (Ксенофонтов, 1992: 42). Когда предки саха переселялись с Байкала, у них мог быть вождь по имени Тэгин, следовательно, можно говорить о существовании целой династии предводителей Тыгынидов. Г.В.Ксенофонтов связал эту предполагаемую династию с личностью последнего уйгурского хана Эньень-Тегина, который «без вести пропал». Но уйгурский каганат в Забайкалье и в Северной Монголии угас в IX в., а Г.В.Ксенофонтов считал, что последняя волна южных переселенцев в Среднюю Лену с этим Тegiном прибыла в XII в. По его предположению, с этой династией на всю территорию Якутии могла распространиться царская власть с явной повинностью. Тыгыны владывствовали над территорией почти всей Якутии, и их власть была прервано только русским завоеванием (Ксенофонтов, 1992).

С этим фантастическим утверждением Г.В.Ксенофонтова, солидаризируется мнение якутского краеведа 1930-х гг. Г.А.Попова, что саха на Лене в миниатюре создали тюркское государство с его терминами: бегами, кулами и тегиним. Он признавал, что на Лене стала складываться довольно сложная общественная организация со всеми признаками северного феодализма (Попов, 2005: 48). Среди этих северных феодалов постепенно возвысился кангаласский Тыгын, победитель всех родов саха (Попов, 2005: 94).

А.П.Окладников доказывал полное совпадение элементов якутской лексики относящихся к области социальной терминологии с тюрко-монгольскими социальными терминами (кулут, бокан, чахар, тойон, туйгун, тутук, боотур, сесен, дархан, тыгын, хаан, эллэй). По нему политическая организация якутов восходила к мифическому Элэю и носила черты межплеменной организации, союза племен якутской народности. Этот эль возглавлялся наследственными вождями, ведущими свое происхождение от первопредка Элэя (Окладников, 1947: 119).

По фольклорным данным этот легендарный человек считается верховным предводителем якутских родов до прихода русских и ему приписывается руководство сопротивлением якутов казачьим отрядам. По русским документам 30-х годов XVII в. некий «Тынья» или «Тынина» выведен как один из крупных тойонов Кангаласской волости, возглавившей сопротивление казакам. Этот «Тынина» являлся отцом Челая (по якутски Чаллаайы), Откурая (Ёлькёрёй), Бозеко (Бёдьёкё) – военных предводителей кангаласского рода. Однако эти сыновья Тыгына в исторических событиях 1636 и 1642 гг. хотя и были сильными и влиятельными боотурами, но никогда не выступали в качестве предводителей всего народа. Только Откурая, смертельно раненного в бою атаманом Иваном

Галкиным, который был реальным предводителем кангаласцев и их союзников в событиях 1636 г., можно обозначить в качестве военного вождя ополчения из нескольких якутских родов.

Зачинателем мифологизации истории якутов можно назвать Г.В.Ксенофонтова, рассматривавшего Тыгына в качестве верховного правителя саха, передавшего свою власть над своим народом русскому царю. Именно данным обстоятельством им объясняется подчинение 31 волостей небольшим отрядом П.Бекетова (Ксенофонтов, 1992).

Исследователи давно обратили внимание, что в русских документах о нашем герое нет свидетельства о Тыгыне как царе или предводителе якутских родов, кроме смутного упоминания о некоем «Тынина», оказавшего сильное сопротивление со своими людьми казакам атамана И. Галкина. Данное обстоятельство опять роднит нашего героя с образом легендарного британского короля Артура, о котором имеется единственное документальное свидетельство, что бритов в битве с саксами возглавлял некий Медведь (по-валлийски –Atru).

По сведениям Г.Ф.Миллера, «до прихода русских над всеми якутами господствовали князцы Кангаласской волости, самым знатным из которых был Тынья» (Миллер, 2005: 69). Вероятно, при этом он пользовался информацией местных жителей, опиравшихся на фольклорные источники. Тот факт, что в письменных документах Тыгын фигурирует под именем Тынина, а у Г.Ф.Миллера Тынья, говорит о том, что исторический Тыгын – отец Чаллаайы и Бёдьёкё и в якутском языке мог носить имя Тынин, а титульное или мифологическое имя Тыгын Дархана могло быть прикреплено к нему впоследствии. Тем самым мифологический Тыгын или Дыгын Дархан это совершенно другая личность, чем исторический Тынина. В фольклорных источниках, имя Тыгына выводится от слова «тыын» - дыхание. Недаром еще Ф.Ф.Васильев сомневался в отождествлении имени Тыгына с тюркским термином «тегин», так как человек с подобным именем не встречается в других фольклорных источниках (Васильев, 1995: 37).

Реальный «Тынина» в казачьих донесениях выступает в роли одного из влиятельных тойонов кангаласцев и отца Откурая, Бозеко и Челая – активных участников антиказачьих восстаний 1634, 1636, 1642 гг. Его сын Откурай и намский Мымак уже собирали крупные ополчения якутских родов и видимо их незначительное место в фольклоре объясняется тем, что именно их образы повлияли на создание образа якутского правителя. Также личность предводителя совместного якутско-тунгусского антиказачьего выступления, вождя тунгусского рода долган Дыгынча (фольклорный Даринча?) с 600 людьми, умершего в русском остроге в качестве заложника вполне совпадает с фольклорной биографией Тыгына.

Якутский лингвист С.И.Новгородов, как и П.А.Ойунский с легендарным Тыгином отождествляли тойона Намского рода Мымака – предводителя якутского ополчения, осаждавшего Якутск в 1634 и 1642 гг. По С.И.Новгороду, Мымак означало по якутски князец, староста, а Тыгын значит князец - престолонаследник, отсюда выражение князец Мымак, в переводе Тыгын Мымак (Ионова, 1950: 20). Мымака с Тыгином роднит то обстоятельство, что Мымак умер в русской тюрьме, как и легендарный Тыгын. Фольклорный образ Тыгына,

стоявшего во главе якутских дружин, осаждавших Якутский острог, вполне соответствует роли Мымака - руководителя якутского ополчения в 1634 и 1642 гг.

К имени Тыгына или по новому написанию Дыгыну в фольклорных источниках обычно прикрепляется второй термин – имя Дархан. Якутский термин «дархан» А.П.Окладников сближал с тюрко-монгольским термином «тархан» - «дархан» в значении: вождь племени или рода, глава народа, предводитель, военачальник. В якутской юрте имелось почетное сидение дархан-олох. Изучив его предназначение, он пришел к выводу, что дархан-олох, как и стул туора-дархан могли быть почетными сиденьями предназначенными именно для дархана (Окладников, 1949: 111).

А.П.Окладников пришел к выводу, что в древности якуты именовали дарханами наиболее могучих племенных вождей, прославившихся подвигами и подчинивших себе обширные области. К такому выводу он пришел в результате анализа предания записанного Н.Г.Золотаревым от слов П.С.Семенова. Родословная начинается с Эллэя. Его сын Дойдулаах Сирдээх Дойдууса дархан (имеющий землю-страну дархан) собрал большое богатство и ездил в бурятскую землю, на Баргузин и Томск. Его земли тянулись от устья Вилюя до устья Витима. При слабом сыне Хомуйан-дархане владения его распались. Через него, в пятом поколении родился Чыкын-Мурман, который стал именоваться Тыгын-дарханом (Окладников, 1949: 106). Но кроме этого устного предания приведенного А.П.Окладниковым, нет других фольклорных сведений о существовании такой генеалогической ветви дарханов.

Если проследить корни тюрко-монгольского термина тархан, то он имел функцию «собирателя податей». В.М.Никифоров ссылается на труд Г.В.Ксенофонтова «Эллаида» где имеется упоминание 11 различных дарханов. Так имеется любопытный персонаж Сююлэ Дархан, который мог получить свое прозвище из-за обязанности поставлять в Якутск «ясак» вместо богача (Никифоров, 2002: 24).

И.Линденау писал о существовании особого титула «Гойон - ууса», буквально – «тойонский род», означавший господствующее положение среди якутских родов прямых потомков Эллэя. В связи со спорами о порядке наследования этого титула со смерти отца Тыгына началась ожесточенная борьба за власть, в котором верх взял Тыгын, убивший и разогнавший своих братьев. По изложенной им версии, Тыгын не успел стать дарханом, верховным правителем якутских родов из-за распрей внутри правящего клана, потом прихода русских завоевателей (Линденау, 1983). Данный вывод им был сделан исключительно на основе фольклорных источников. Приводимые И.Линденау сведения, свидетельствуют о возможности существования общеплеменного вождя якутского этноса с титулом дархан. Но исторические предания сложный жанр, они несут в себе печать современности, т.е. приспособляют события, происходившие в древности к более поздним историческим реалиям.

По документам Тыгына был лишь одним из якутских князцов. В 1631-1633 гг., по ясачным книгам и челобитным П.Бекетова и И.Галкина, титул князец всего имели 42 якута из 16 улусов. В Кангалаской волости А.А.Борисов насчитал до 16 человек, владевших титулом князец на протяжении первых 30-ти лет со времени прихода русских (Борисов, 1997: 55). Вероятно, этим титулом в русских документах называются предводители родовых или клановых подразделений.

Образ правителя всегда связывается с резиденцией, где он принимает гостей и где он собирает свое войско. Так существует мнение, что Тыгын имел три резиденции: первую – между маленькими речками Алагана и Куллаты на долине Эркээни; вторую у озера Табага; третью – где построен город Якутск, у озера Сайсаары (Линденау, 1983: 109). Когда Тыгын прогнав тунгусов, убивших Тюсюлгэ Даххана (Дойдууса Дархана или Даххана) стал хозяином долин Эркээни и Туймаады, владения его простирались от Намского улуса до мальжегаров. Местожительством Тыгына являлись озера Сахсары, Ытык, Юрюнг Кюэль, Кытаанах Кырдал. От Тыгына отошли и стали впоследствии отдельными улусами (с XVIII в.) люди родов принадлежавших к тойонам Кээрэкээн – дьохсогонцы (будущие таттинцы), Лёгёя – борогонцы, от Батас Мёндюкэээн произошли батурусцы (Боло, 1994: 144-161).

Для раннего государства было характерным, что персона сакрализованного правителя – царя, представлялся «посредником» между божествами и подданными. Символика власти требовала, чтобы в общении с ней подданные подчеркивали свою полную ничтожность. Теперь рассмотрим фольклорные данные рисующие образ якутского царя Тыгына. Например, в них раскрывается, что Тыгына якобы сажали на особое «возвышенное ложе». Приезжающие из далеких краев входили к нему, кладя поклоны на его колени, выходили также с поклонами; словом, обращались с ним, как с божеством (Окладников, 1949: 62). Вообще концепция А.П.Окладникова о роли Тыгына в якутской истории представляется сильно политизированным, соответствующим духу своего времени. Так в 40-х гг. он писал, что роль Тыгына соответствует вождя родоплеменной организации якутов, привнесенного с юга, тем самым он якутское общество, в котором появились феодалы, тянул в прошлый век и тем самым его историческую личность он оценивал как отрицательную (Окладников, 1949). Потом в 60-х уже утверждал, что Тыгын был настоящим якутским царем.

Тыгын, подобно восточным властителям имел харизму. Сюр-харизма находилась в хребте, спинном мозге (сюр) Тыгына, подобно тому, как Илбис (военная удача, харизма рода) – в позвоночнике его коня. Конь Тыгына был рыжим, ближе к красной масти, которая символизировала огненную природу коня (Парфенова, 1999: 28). Рыжий цвет коня относится к солярному образу: «Конь Тыгына на Чочур - Муране» связан с почитанием неба.

С.В.Санников при анализе мифологем связанных с формированием образом власти, предлагает применить комплексный методологический подход, опирается на концептуальные разработки К.Г.Юнга, Г.Кубертсона и Г.Барта, что позволяет ему рассмотреть широкий спектр мифологических архетипов. В сакральной мифологии выделяется комплекс мифологических образов, связанных с представлением о сверхъестественном происхождении публичной власти и сакральной природе носителей данной власти, обозначаемых им как «потестарная мифология». В качестве примеров потестарно-мифологических образов он приводит образы богов Одина и Фрейра как древних конунгов Швеции (Санников, 2009).

Мудрец (мудрый отец) - архетип, прослеживающийся в германском потестарно-мифологическом образе бога и эпического конунга шведов Одина. Тыгын тоже изображается в образе глубокого, мудрого старца. По словам А.П.Окладникова «Фигура Тыгына – мудрого старца, владыки и грозного воина, избранника Улуу Тойона – уже при жизни сливалась на этом фоне с

величественными образами эпических богатырей и языческих богов» (Окладников, 1949: 115).

Защитник (покровитель) – архетип, который, рассматривается как элемент упомянутого К. Г. Юнгом представления о «золотом веке», для которого характерно наличие правителя, опекающего своих подданных. И этот архетип является характерным для образа Тыгына. Эпоха Тыгына представлялось поздним поколениям якутов «золотым веком». Так в фольклорных произведениях о Тыгыне проводится мысль собирания якутских земель в одно целое. Следует предполагать, что в его фольклорном образе воплотились исторические лица XVII в., которые боролись за объединение якутских родов против произвола воеводской власти.

По определению С.В.Санникова, герой – один из значимых архетипов, прослеживаемых в эпосе и потестарной мифологии, неоднократно привлекавший внимание исследователей политической мифологии. Тыгын рисуется в качестве предводителя объединенного войска якутских родов, выступивших против казаков. По утверждению А.П.Окладникова «он как-то незаметно и тихо сошел с исторической арены. Русские документы даже и не отметили смерти грозного якутского «царя» преданий, так недавно еще потрясавшего свою лесную страну, десятки лет державшего в страхе свой маленький народ. И.Линденау пишет, что Тыгын был взят казаками в заложники и умер как пленник перед приездом первых воевод в Якутский острог (Окладников, 1949: 115).

Еще существовал архетип Искателя (проводника) – потестарно-мифологический архетип, атрибутами которого являются странствия, поиски и совершение походов. По фольклорным данным, Тыгын имел большое войско, его воины были вооружены луками и мечами. Когда он был в силе, то имел двести человек, держащих батыйа. Он был повелителем саха. Кто не повиновался ему, тех он убивал. Местожительство его было над озером Сайсары. Тыгын – владыка ездил по рекам Амге, Таатте и требовал воинов и работников из родственных племен: Боотур ууһа, Мэнэ ууһа, из аймахов Ханалас (Бюлю, 1994: 147). Даже если бы эти фольклорные сведения, которые Г.В.Ксенофонов и А.П.Окладников принимали как свидетельство о существовании государственной или общеплеменной организации соответствовали истине, то они только говорят о существовании сильной родовой дружины у кангаласцев.

Жертва (мученик) – специфический потестарно-мифологический архетип, прослеживаемый на материале ряда образов эпических и мифических конунгов. Тыгын становится жертвой казачьего вероломства. Он попадает в плен и умирает в неволе. В некоторых преданиях, Тыгын умирает пав духом, со сломленным сюр, его тело покрывается язвами, он утомляется и слабеет. О.Парфенова сюжет со стуком в спине перед смертью Тыгына связывает с помещением сюр-харизмы в хребте, спинном мозгу (Парфенова, 1999: 28).

Праведник – архетип восстановителя легитимного порядка, справедливости, получающего помощь сверхъестественных сил. Когда Тыгын был ребенком, было предзнаменование, что ему суждено быть великим человеком. На его копье, на самое острие «опустился» сгусток крови, которую он проглотил. В фольклорной традиции имеется определение Тыгына в качестве якутского «царя» («мунур ыраахтаагы») (Борисов, 1998: 95). Символика власти в ранне-потестарной культуре требовала, чтобы в общении с ней подданные подчеркивали свою полную ничтожность. Теперь рассмотрим фольклорные данные рисующие образ якутского царя Тыгына. Например, в них раскрывается, что Тыгына якобы сажали

на особое «возвышенное ложе». Приезжающие из далеких краев входили к нему, кладя поклоны на его колени, выходили также с поклонами; словом, обращались с ним, как с божеством (Болю, 1994: 62). Что же мы видим в случае с Тыгыном? Прибыв на землю другого рода, прежде всего, он требует, чтобы ему дали часть их людей в качестве «хара» т.е. воина-слуги, а в случае невыполнения, полностью истребляет данный род, это произошло с ходоринцами. Роль Тыгына как полновластного царя саха, сказители видят в том, что он, если увидит или услышит, что у кого-либо имеется скот или прочее богатство, то тотчас же отправлялся к нему и отбирает силой.

Оплодотворитель-архетип, получающий выражение в образе верховного правителя, являющегося источником плодородия земли и богатства народа. О любимом сыне Тыгына Муос Уол или Таас Уллунах так рассказывается: «Когда этот мальчик спал, то от его дыхания все вещи в доме приходили в движение. Когда засыпал в лесу, сила его дыхания клонила деревья и травы» (Болю, 1994: 83). В любимом сыне Тыгына нетрудно узнать описание природы родной страны: «Тело его было как литое из плотного материала, не поддавалась ни ударам, ни нажимам, а ступни были тверды, как камень. Когда он в семилетнем возрасте бежал, земля дрожала, а на крик его небо вторило непогодой, ветрами и морозом» (Болю, 1994: 103). Тыгын также является архетипом сыноубийцы, стоящего в одном ряду с мифом о гонимых героях. Так ему приписывают убийство двух мифологических сыновей Таас Уллунах (каменная ступня) и Муос-Уол (каменный парень). Тело этого парня было покрыто роговой чешуей подобно античному Ахиллесу. Все это указывают глубокоую архаичность образа Тыгына (Борисов, 1998: 95-96).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Тыгын собирал дань с покоренных родов. В то же время известно, что он сам платил «эр сулуута» бетунцам, после того как его войско возвратилось от них с поражением (Болю, 1994: 47). Также в якутском языке существуют термины солук, энньэ, или словочетание «халаан ылбыт», сравнимые с древнеуйгурскими терминами «калан», «салыг» означавшими налог и «инчжес»—феодалную собственность. Имеются и многочисленные свидетельства о том, что якутские термины применялись на практике (Васильев, 1995: 55–56).

После появления государства, устанавливается право – нормы поведения, исходящие от государства, которое на первоначальном этапе представлял князь или каган. Это было продиктовано тем, что господствующая часть общества была заинтересована в возведении существующего положения в закон. Так в Древней Руси появляется «Русская правда» Ярослава. В фольклоре саха есть ясные упоминания о введении первых узаконенных норм обычного права именно Тыгыном. В них есть сведения о телесном наказании и штрафе скотом. Например, Тыгын своему внебрачному брату Быркингаа-Боотуру, предку вилюйских саха, за воровство и убийство любимого коня его людьми в наказание назначает выплату 40 коней и телесное наказание после окончания ысыаха, продолжавшегося с начала лета до наступления осени (Ксенофонов, 1977: 72–94).

В фольклоре Тыгына из кангаласцев упорно называют всесильным царем саха до прихода русских. А в чем видят рассказчики его царские достоинства и привилегии? Оказывается этот Дыгын, или же Тыгын, был известен как воин, богатырь, ставший тойоном благодаря своему богатству, обилию скота и подвластных ему людей, его соплеменников. Необходимо подчеркнуть, что всю свою жизнь Тыгын устраивал ысыахи, куда приглашал именитых людей из улуса

(своего видимо), из других земель, организуя игры и заставляя их состязаться, меряться славой (Предания, легенды, 1995: 103). Только затем, когда желтела трава, он начинал военные действия (Боло, 1994: 93).

Вступая в дискуссии о существовании якутского «государства» Тыгына мы сталкиваемся как с мифологизацией истории, так и политизированием этой науки. Подобные мифологические государства, сведения о котором имеются только в фольклорных источниках, имеются у многих народов. Они вызывают непрекращающиеся научные дискуссии и в основном существуют в народной памяти этноса, смыкающегося с литературой. Ф. Ф. Васильев пришел к выводу о наличии в раннеякутском обществе обособленного военного сословия профессиональных воинов [Васильев, 1995. С. 60]. Строго говоря, именно это военное сословие и было аристократией раннеякутского общества. С этим можно сравнить тот факт, что древнерусская дружина являла собой корпорацию, в которую был вовлечен весь господствующий слой.

Хозяин благословенной Туймаады, хангаласский тойон Тыгын (Дыгын) во главе дружины воинов совершал множество походов против чужих родов, чтобы подчинить их своей власти. Походы Тыгына были в основном направлены против чужих родов: намцев, хоролоров, баягантайцев и вилюйчан, а также против представителей иных этнических групп, занимавших территорию Средней Лены (Ксенофонов, 1977: 148). В 17 веке действительно существовала военная сила, совершавшая походы против якутских родов и взимавшая с них дань. Это многочисленные отряды русских казаков, совершавшие грабительские рейды под предлогом сбора ясака. Образ предводителя многочисленной сильной военной дружины в якутском фольклоре, подчиняющего якутские роды могла сформироваться под влиянием образа казачьих атаманов и перенесена рассказчиками в дорусское прошлое народа. В этой связи характерен фольклорный сюжет бегства братьев Тыгына ставшего предком вилюйских родов. На самом деле, документально доказано, что массовое переселение якутских родов, в основном кангаласцев в Вилюй происходило в конце XVII в. и связывается уходом от непосильного ясачного платежа.

В.Л.Серошевский попытался объяснить упорным сопротивлением Кангаласского улуса русскому завоеванию, чем она и прославилась. Можно согласиться с его утверждением, что сыновья Тыгына в Союзном совете не пользовались верховным авторитетом (Серошевский, 1993: 451). Роль Тыгына как предводителя якутских родов в фольклоре представляется собирательным, в его формировании мог принимать участие и предводитель антивоеводского восстания 1670 г. Джэллик, по преданию также потомок Тыгына.

Фольклорные источники об эпохе Тыгыне можно было встретить во всех регионах расселения якутов: так они имелись и у северных якутов Колыми и Момы, Верхоянска и Абыя. В фольклоре появление якутов в северных и вилюйских районах объясняется бегством отдельных боотуров, боявшихся преследования Тыгына. Но по свидетельству архивных документов расселение якутов в северных и вилюйских районах происходило во второй половине XVII и на протяжении XVIII вв. Многие переселенцы были участниками восстания Джеллика в 1670 г., против произвола царских воевод. Так кангаласцы, участники вооруженных выступлений против казаков и ясачного гнета, осваивая территорию Северо-Востока России, приносили с собой предания о Тыгыне – предводителя кангаласцев и всего народа саха. Следовательно, формирование якутского народа и его расселение по огромным просторам Северо-Востока

Сибири прямо связано с становлением образа Тыгына как владыки всех саха. Якутские роды на Вилюе, на Крайнем Севере бежавшие от своеволия воеводской власти свое происхождение выводили от родственника Тыгына бежавших от него или отпавших им для поиска новых земель.

Время, в котором жил легендарный Тыгын, якутский фольклор называет эпохой «кыргыс юйэтэ» - временем войн и раздора. Обычно считается, что это время предшествовало дорусскому завоеванию края, когда царили межплеменные войны и феодальные усобицы, прекратившиеся с приходом русской администрации. Но многие события, приуроченные к данной эпохе, происходили на самом деле после прихода русских и зафиксированы в документах. Так знаменитый и красочно запечатленный в фольклорных источниках погром нахарцев бетюнцами зафиксирован архивных документах. Или же нападение «Тыниновичей» на ясачных якутов князя Лёгёя в фольклоре описывается как погром легендарных хоролоров в озере Мюрю сыновьями Тыгына. Отсюда можно констатировать, что враждебные действия между якутскими родами произошли после прихода русских казаков, прямо сталкивавших их между собой, применяя принцип «разделяй, но властвуй». Историческое осмысление этой легендарной личности на основе сравнения фольклорных и письменных данных может помочь в раскрытии образа короля Артура и им подобных мифологических владык эпохи вожества и становления раннего государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

Борисов А.А. Якутские улусы в эпоху Тыгына. Якутск: Национальное книжное издательство: «Бичик», 1997. 160 с.

Борисов А. А. Тыгын - человек, легенда, символ. 1998. №2-3. С.40-49.

Болю С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену: / По преданиям якутов бывшего Якутского округа / Якутск: Бичик, 1994. 320 с.

Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. Якутск: Бичик, 1995. 220 с.

Ионова О.В. Из истории якутского народа: (первая половина XVII в.). Якутск: Книжное издательство, 1950. 112 с.

Ксенофонтов Г.В. Ураанхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. Т.1, кн. 1. Якутск: Национальное издательство РС (Я), 1992. 416 с.

Ксенофонтов Г.В. Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. Новосибирск: Наука, 1977. 245 с.

Линденау Я.И. Описание народов Сибири: (первая половина XVIII века). Магадан: Книжное издательство, 1983. 176 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Том 3. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005. 598 с.

Никифоров В.М. Стадии эпических коллизий в олонхо: Формы фольклорной и книжной трансформации. Новосибирск: Наука, 2002. 208 с.

Окладников А.П. Социальный строй предков якутов // Советская этнография. 1947. N: 2. С. 95-121.

Окладников А.П. Из истории общественных отношений у якутов в XVII веке (Легенды о Тыгыне и историческая действительность) // Советская этнография. 1949. N: 2. С. 98-118.

Парфенова О.А. Конь и харизма Тыгына в преданиях якутов // Илин. 1999. N: 1-2. С. 26-28.

Предания, легенды и мифы саха (якутов) / Сост. Н.А.Алексеев, Н.В. Емельянов, В.Т.Петров. Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма РАН, 1995. 400 с.

Попов Г.А. История Якутского края (XVII и XVIII вв.) // Сочинения. Т.1. История христианского просвещения якутов и других инородцев Якутской области. Очерки по истории Якутии. Якутск: ЯГУ, ИГИ АН РС (Я), 2005. 280 с.

Санников С.В. Образы королевской власти эпохи великого переселения народов в раннесредневековой западноевропейской историографии. Новосибирск, 2009. 215 с.

Серошевский В. Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: 1993. 736 с.

BIBLIOGRAPHY

Borisov A.A. Yakut ulus in the era Tygyn. Yakutsk: National Publishing House "Bichik", 1997. 160 p.

Borisov AA Tygyn - a man, a legend, a symbol. 1998. № 2-3. С. 40 - 49.

Bolo S.I. Past Yakuts before the arrival of Russian Lena: / According to legend Yakut Yakut former county / Yakutsk Bichik, 1994. 320 p.

Vasiliev F.F. Military Yakuts. Yakutsk Bichik, 1995. 220 p.

Ionov O.V. From the history of the Yakut people (the first half of the XVII century.). Yakutsk: Book Publishing, 1950. 112 p.

Ksenofontov G.V. Uraanhay-sahalar: Essays on Ancient History yaku-tov. T.I, Vol. 1. Yakutsk: National Publishing House of Sakha (Yakutia), 1992. 416 p.

Ksenofontov G.V. Elleyada: Materials on mythology and legendary history of Yakutia. Nauka, Novosibirsk, 1977. 245 p.

Lindenau Y.I. Description of Siberia (the first half of the XVIII century). Magadan: Book Publishing, 1983. 176 p.

Miller G.F. History of Siberia. 3. Tom M. : Publishing company "Eastern Literature" RAS, 2005. 598 p.

Nikiforov V.M. Stage epic clash in olonkho: Forms folklore and book transformation. Nauka, Novosibirsk, 2002. 208 p.

Okladnikov A.P. Social order ancestors Yakuts // Soviet Ethnography. 1947. N: 2. S. 95-121.

Okladnikov A.P. From the history of public relations in Yakuts in the XVII century (Legends of Tygyn and historical reality) // Soviet Ethnography. 1949. N: 2. S. 98-118.

Parfenova O.A. Horse and charisma Tygyn in the traditions of the Yakuts // Ilene. 1999. N: 1-2. S. 26-28. Traditions, legends and myths of Sakha (Yakutia) / Comp.

Alekseev N.A., Emelyanov N.V., Petrov V.T.. Novosibirsk: Nauka. Sib. ed. firm RAS, 1995. 400 p.

Popov G.A. History of the Yakut edge (XVII and XVIII centuries.) // Works. T.I. History of Christian Education of the Yakuts and other foreigners Yakut area. Essays on the History of Yakutia. Yakutsk: YSU, IGI Academy of Sakha (Yakutia), 2005. 280 p.

Sannikov SV Images of royal power era of the great migration of peoples in the early medieval Western European historiography. Novosibirsk, 2009. 215 p.

Seroshevsky VL Yakuts: Experience ethnographic research. 2nd ed. M. : 1993. 736 p.